

Л

юбо да мило смотреть на родные наши места, сколько годов живу, а не могу насладиться. До чего же все по порядку: и речка, и озерки кругом, все рыбное, едовое. И луга заливные — когда снегов много, с высоких мест стекает водичка в низину и в речку, а та в разлив — особая, видать, страсть: раскинуться, плечи расправить, заодно и камыш со всякой всячиной вычистить. Два холма по ту сторону деревни, издавна зовут их Женские Груды, понятно, в деревне не особо выбирают красивые выражения, но издали они очень похожи, ежели мне память не изменяет. Та сторона, что к деревне, летом в зелени разнотравья, для молодняка разного подкашивают люди, а задняя лесом прикрылась, так вот заведено еще в старые времена, чтобы тут дерево не трогать. Каждый год обходил лесник и помечал, какие березки, осинки и сосенки убрать надо. Зато ягоды в первых лесочках — какую душа желает: и клубника, и костянка, и смородина с ежевикой. Там подале и мокрые места есть, любители забираются в глубь за клюквой и прочей вкусностью.

Предки наши распахали столько земли, что даже, сказывают, такую вольницу допускали: четвертину оставляли отдыхать, не засевали, а летом, после сенокоса, пахали на другой ряд. Великая от того вы-

года была, сам-два хлеба снимали, во как! Правда, потом поизвелось это, но крестьяне помнят — через родичей, само собой.

Я зовусь Антоном Николаичем, вечный колхозник, стахановец, краешек большой войны захватил, словил осколок фугасный, но не глубоко, вытащили, дырку зашили, я уж и позабыл. Да, попал в путние войска и звался гвардейцем, а потом и в колхозную жизнь пришло это звание, вручили мне вместе с другими достойными значок «Гвардеец пятилетки». Проня Волосатов тоже получил, поглядел и хихикнул:

— Лучше бы на бутылку дали.

Тут меня и прорвало:

— Ах ты сука реможная, да за гвардейское звание люди головы сложили, и в этом значке — частичка от того, что у меня на майском костюме, а ты его...

Ну и врезал по роже, своротил чего-то, тот в милицию, а там тоже путние люди бывают, сказали ему, чтобы благодарил меня за слабое наказание. Короче говоря, побывал и в гвардейцах трудового фронта. А вот до орденов не поднялся, хотя парторг пару раз обещал, если тысячу гектаров за осень вспашу на «Кировце» или полторы тысячи тонн зерна намолочу за уборку. Понятно, что не только за ордена я старался, платили заманивающе, жить хотелось лучше, но парторг, не к ночи помянутый, орденоч-то зажал.

Хочу рассказать вам, как мужики наши от погибели перестроечной уходили. В самом начале перестройки я на пенсию оформился, поскольку стаж у меня был без перерывов, кроме отлучки на борьбу с фашизмом; учитывая мой гвардейский труд и хорошую зарплату, положили мне ежемесячно 132 рубля. Я уж теперь и сам не могу точно сказать, к каким сегодняшним деньгам это можно приравнять, но жил я и семья моя в полном достатке. И вдруг помимо перестроечных разговоров начались новые дела, каких прежде не было. Например, председатель колхоза никого не спросясь увозит на колбасу три машины бычков с откорма. Машины не наши, грузчики не наши, а бычки свои, родные. Ребята у нас в правлении сидели не самые трусливые, наутро к председателю в кабинет, он с порога:

— Если вы по бычкам, то это за долги.

Мужики — в пузырь:

— Какие такие долги, ты три месяца назад отсчитывался, и все было чика в чику.

— Не было никакой чики, просто вас не хотел волновать.

Мужики напирают:

— А мы ребята не слабонервные, зови бухгалтеря, пусть она нас взволнует.

Вошла Крестинья Васильевна, как увидела правленцев — с лица спала, помутнела даже:

— Да, долги банку, налоговой, в фонды. Вам же всего не объяснишь.

И зарыдала.

А мужики наши кроме обмана еще женских слез не переносят, слабеют сразу. Разошлись, но с той поры слово «долги», как колокольчик, звенело там и сям.

Потом районное и областное начальство приехало; собрали правление и сказали, что колхоз завяз или погряб в долгах по самые крайности, что ли, и надо немедленно его распускать и создавать крестьянские хозяйства. Ну, что фермеры России прокормят, об этом каждый вечер напоминают

по телевизору. Ребята выслушали всех и ушли не прощаясь. А потом за-сели у Володи Надцонова, целый день не выходили из избушки, полмешка пельменей изварили и съели, а к водке не прикоснулись, сразу догово-рились.

Что решили? Сказывали мне после ребята, что договорились прогнать все начальство, а то, что еще осталось из имущества, — поделить по-чест-ному. Понятно, что речь прежде о технике. Бумажки-то о паях имуще-ственных и земельных у каждого были. И объявили ребята сход всех кре-стьян — и нашего брата, пенсионера, тоже зовут, я так морокую, что боль-ше для поддержки аплодисментами или шумнуть в нужном месте. Дру-гой-то пользы не предвиделось. Председатель колхоза у нас с фамилией Ежовкин, Денис Кириллович. Мы едва притыкнули, а по первости, как ему слово дают, в зале кто чихает, кто кашляет, только чтобы не захохотать, потому что во всем колхозе его иначе как Ежопкиным не называли. Вот и попробуй тут усиди, да если еще настроение веселое. И отчего он эту фамилию не переменял, мог и на бабину записаться, когда женитьбу оформлял. Денис Кириллович тоже пришел, недовольство высказал:

— И что вы собираетесь обсуждать? Колхоз подведен под банкротство, какие могут быть разговоры?

Володька Надцонов молодец, вперед вышел:

— Это ты правильно сказал, председатель: подведен под банкротство, кому-то это шибко надо. Только мы не позволим. Проходите, товарищи, в зал.

А сам на сцену запрыгнул, встал над столом, как будто вечно там его место, и откуда что берется!

— Прошу девчат из бухгалтерии, с кем договорились, садиться вон за тот стол и подробно писать, кто что будет говорить. Этот документ нам нужен как охранная грамота. Вы же видите, что вокруг колхоза, как стая голодных волков по весне, кружат людишки не нашей масти. Кружат — стало быть, обещано им, только время надо выбрать. А мы не дадим им этого времени! Не дадим! — заорал Володька, да так громко, я аж вски-нулся. А зал без репетиций: «Не дадим!» Да так славно получилось, пря-мо как в телевизоре.

Вставали мужики и бабы и прямо говорили, что овечек прошлой но-чью машину увезли, что молодняк поросят в теплую машину загрузили, один бородатый с наганом напугал свиначок и велел им помалкивать.

На трибуну поднялся заведующий зерновым складом — фигура в кол-хозе большая, а сам Ефимка росточком не вышел, его и в армию браковали.

— А седнешним днем, дорогие товарищи коммунисты...

— Ефим Кузьмич, нет тут коммунистов, ты о чем?!

— Как это нет? — встал вчерашний парторг Владимир Тихонович. — Как нет, когда мы, коммунисты, объединились...

— Товарищи! — закричал Надцонов. — Товарищи дорогие, оставьте политику в покое, и так от нее спасу нет. Мы решаем колхозный, хозяй-ственный вопрос, про партийность ни слова. Продолжай, Ефим Кузьмич.

— Так вот, сегодняшним днем подошли к складу три больших маши-ны, вроде даже пострашнее КамАЗов, с прицепами, и товарищ председа-тель на своей иномарке.

— Не на своей, а на колхозной!

— Знамо дело, что на колхозной. Говорит, отворяй ворота, будем гру-зить. Я слышу, от него хорошим вином отдает, и отвечаю: «Денис Кирил-лович, сие есть семенное зерно, это я вам как завскладом докладываю,

если вы подзабыли. И шевелить его при такой погоде до тепла нельзя. К тому же нет у вас требования, как по форме положено, нет накладных». А он ко мне подошел, за куфайку взял и дыхнул прямо в рожу: «Открой склад, огрызок, а бумаг я тебе к вечеру целый мешок привезу!» Вижу, дело серьезное, а ключи-то у меня в сторожке спрятаны, сам едва нахожу, и метнулся я между складами, я же в пимах с калошами, а Денис Кириллович в штиблетах. Пробрался, вымок по самые кокышки, прости господи, но улег и у кумы Дуси замаскировался. А надежда на то, что сразу после уборки велел председатель приварить к складским воротам мощные запоры и внутренние замки вставить иноземного происхождения, так что без ключей им в склад не попасть. Вот такой мой доклад.

Зал загудел, я тоже что-то кричал, можа и не к месту, но шуму много было. И тогда Владимир встал над столом:

— Надо прения открывать по докладу Ефима Кузьмича, и первое слово председателю.

Ежовкин встал:

— Про свиней и овец ничего не слышал, так что комментировать нечего. А рассказы Ефима Кузьмича можно день и ночь слушать, он после бражки из избушки такие сказки рассказывает, что не переслушать. У меня все.

И вышел в ближнюю дверь. Владимир в президиуме взволновался:

— Товарищи, надо нам в пять минут принимать решение, потому что Ежовкин уже сейчас стучит в милицию или куда повыше. И загребут нас за милу душу.

— Дак ты предлагай!

— Общим голосованием, закон соблюдаем.

— Надцонов, объяви, как договорились.

Владимир подошел ко краю сцены и спрыгнул в зал. Его трясло от волнения, голос звенел, но мысли были в порядке.

— Мы вчера с мужиками обсудили и предлагаем собранию колхоз наш распустить, а все имущество — технику, прежде всего, — раздать согласно паев в крестьянские хозяйства, мы уж тут определились, кто с кем согласен работать. А что касается скота, нам сейчас его не сохранить, да и осталась-то сотня хвостов. Давайте поручим Владимиру Тихоновичу, он человек грамотный, к тому же партийный, пусть он грузит остатки и везет на мясокомбинат. А выручку поделим, тут много ума не надо. Значит, завтра в семь утра все у мастерских. Только прошу, мужики, ведите себя, если пошло наперекосяк, как надо — не зlobьтесь, пригласите стариков, они рассудят. Все, собрание закрыто. Девчонки, тащите протокол, я подмахну для порядка.

* * *

Теперь про Володьку, Владимира Игнатьевича Надцонова. Годков ему немного, только если человек толковый — это сразу видно. Роста среднего, в плечах убедительно смотрится, лицом в мать, красивый. Волосы как после армии отрастил, так и зачесывает назад крутой волной. Взглядом серьезный и голос командирский, это точно со службы, раз сержантом пришел.

Дед его Никанор, царство небесное, был человеком партийным и активистом, с молодости ударился в эту политику, в родном селе колхоз создавал. Сказывали старики, что он недолго уговаривал, прежде всего

как бы молебен отслужил по старой жизни, предупредив, что с завтрашнего дня об ней надо позабыть. Потом вкратце обрисовал всю картину: скот сдать, инвентарь сдать, землю всю в колхоз. Робить так же, как и единолично, только государство будет забирать хлеба, молока и мяса, сколько ему потребно. А себе что останется. Противиться не советовал, потому что после разговор совсем другой: на голые сани всей семьей и на Север. Доходчиво объяснял. За одну ночь колхоз образовал. Вплоть до войны любил на собраниях речи держать, и хоть времена были жестковатые, выпады классовых элементов носил спокойно, никуда не жаловался. Даже когда Касьян, сосед, укорил, что самолично Никанор свел со двора последнюю корову, а потом двое его ребятишек замерли с голоду, Никанор, говоря, ответил, что корова эта спасла десятки пролетарских детей, а это для страны важнее всего. И все. В конце собрания обычно напоминал:

— Что тут промеж нас... разговоры либо споры — не дальше этого порога. Узнаю, кто состукал, — найду способ во след каторжному отпра- вить.

И обходилось. Колхоз скучковался, стали привыкать, работали как вроде на свое хозяйство, и стало выходить. И на трудовень начисляли хле- бишко, крупы, масло подсолнечное, ударникам — отрезки мануфактуры к праздникам. А тут война. Конечно, все пошло наперекосяк. Но не об том речь. Деда Никанора забрали на фронт, там и остался. Отец Владимира Игнат вырос на отрубях да на картошке, столь тошно было после войны. И опять выпрямились. Он едва семилетку в школе отсидел — на курсы трактористов, не успел десятины вспахать — Советская Армия призывает, а служить было почетно. Настолько, что бракованные ребята сутками сидели в военкомате: «Заберите хоть в стройбат, ведь нам в деревню по- зорно возвращаться, и девки сторониться станут, слух пустят, что порче- ный».

Отслужил Игнаша, женить надо, и невеста через два дома живет, Мария. Колхоз к тому времени окреп, стал помогать молодым дома ста- вить. Игнашка не в последнем числе, тоже лес дали строевой, пилораму — бревна распустить — пожалуйста. Шифера колхоз вагон закупил, чтобы всех желающих обеспечить, цемента на фундаменты вагон рассыпью, после разгрузки все мужики наголо побрились, такой хороший цемент попал.

Дом построил — ребятишки пошли. Ведь тогда все желанное было. Про любовь как-то не шибко я разговоров слышал, но плодился народиш- ко со страшной силой. Вроде вчера в лавке видел бабу — нормальная, че- рез время встречаю — с брюхом. Нарочно пошел по улице из края в край, день нерабочий, вчера дождь хлестанул. И что ты будешь делать — каж- дая вторая баба в тягостях. Колхоз ясли открыл, их там — гим гимзит, позвали меня, чтобы повыше заборчик сделал, а то сбегают. Среди них, должно быть, и хороводил бойкуций парнишка Володька Надцонов.

В соседях жили, все на виду, в старших классах начались у Володь- ки проблемы. Видишь ли, папу Игнашу с панталыку сбил своячок, муж родной сестры. Пока она на курсах продавцов обучалась торговому делу от нашего сельпо, прилепился к ней ученый мужичок из городского ин- ститута. Короче говоря, охмурил девку и стал наезжать к своячку вроде просто из уважения, а увозил полный багажник окороков, яиц, сала, масла и прочего, что всегда было и не выводилось в кладовках и холодиль- никах жены Игнашиной, Марии. Хрен бы с ним, с продовольственным

запасом, но при загрузке багажника в порядке расчета свояк убеждал Игнашу, что Володя должен окончить среднюю школу, и место в институте ему обеспечено — в чем он, свояк, уверял, поудобнее укладывая в багажнике коробки и пакеты.

После этого отец отлавливал Володьку из любой игры и любой компании, приводил домой и выкладывал из потрепанного портфеля все книжки: «Учи!» Учиться Володьке вовсе не хотелось, ему было интересно с отцом на тракторе хоть с часик посидеть, а потом и батю подменить, пока он в обед колхозные щи хлебал да котлеты уминал. Осенью с уроков убегал, к батиному комбайну подходить боялся, так крестный Андрей выручал: посадил на колени, показывает, какой рычаг для чего, какая лампочка о чем сигнализирует. Быстро нахватался Володька и однажды, пока отец в тени березки косточки из компота вылавливал, заскочил в кабину, газанул, на валок вырулил и включил молотилку. Игнат вроде за ним, а кум поймал за сапог:

— Посиди, он круг даст, сюда же подъедет. И не рычи, я его подучил. Хороший механизатор будет, зря гонишь.

Какой толковый крестный Володьке достался! А дотяни они всей семьей парня до института, там бы пятилетку промаялся, приехал с дипломом экономиста и через год спился бы. Я не на пустом месте такой прогноз сочиняю, а из опыта колхозной жизни: у нас три экономиста кончили увольнению за пьянку, а четвертый до того досчитал салдо с булкой, что отваживали в Лебедевке, есть там такая больница, где лечат людей, когда ум за разум запрыгивает. Зато тракторист из Володьки получился знатный.

Да что тракторист! А парень какой! Не одна девка в деревне по нему сохла, а он словно евнух, никакого интереса, даже в клуб не ходил, если кинокартину не привозили. Отец уж переживать начал, малой вон и то без девок не ходит, и сестры каждый вечер прихорашиваются, хоть и соплячки еще. Я же рядом живу, все на глазах. В баню как-то к ним попал, в своей каменка развалилась, на неделю работы. Парились все вместе, присмотрелся к Володьке — нормальный мужик! Сам себя успокоил, отцу ни слова, чтобы лишний раз занозу не шевелил.

Приехала к нам новая экономистка. Скромненько так одета, пальтишко серенькое поношенное, сапожки не первой свежести, да худющая, едва не светится. Ну, думаю, и эта не надолго, закладывает, видно, вишь пообносились. Ну и брякнул это при Володьке. Тот меня за малым не пришиб.

— Как, — говорит, — у тебя, старого, язык повернулся! Сирота она, на одну стипендию жила, специально в колхоз попросилась, а ее в институте оставляли.

А я себе думаю: ежели ты такими сугубо интимными сведениями располагаешь, стало быть, глубоко в ейную оборону пробрался, первому встречному девчонка про судьбу не скажет. Оказывается, правильно я мыслил, вечером перед Октябрьской привел Владимир девчонку в отцовский дом, а я раньше был приглашен на чашку чая. Вошли, девчонка — глаза в пол, смотрю: личико-то округлилось на деревенском провианте, да и пальтишко новое, хоть и не креп-жоржет какой-нибудь. Стесняется, мать подсуетилась, отец втихушку плюху сыну: почему не предупредил. Девчонка пальтишко сняла, Володя подсобил, вижу — что есть прикасаться боится. Кофтенка и юбочка на ней приличные, сапожки под порог поставила, мать ей уж носки тащит теплые. Села, надела носочки, а ножка

маленькая; Нюрка и Шурка, сестренки Володины, близняшки, в седьмом, а лапища...

— Вот, мама и папка, и ты, дед Антон, знакомьтесь, это Веста, наш экономист и секретарь комсомольской организации.

Тыфу ты, господи, куда его несет! При чем здесь партия и бухгалтерия?! Не иначе на смотрины привел, а стушевался.

— Пришли мы, мама и папка, и ты, дед Антон, познакомиться, потому что мы с Вестой решили пожениться и просим вашего согласия.

Что тут началось! Меня из-за стола вычикнули, мать в морозилку за фаршем и пельменями, отец рубаху чистую побежал одевать, Нюрка с Шуркой со стола метут, кучу тарелок — сервис называют — из горницы приволокли, протирают. Через пять минут на столе чин чинарем, и выпить, и закусить. Я вроде в двери, Володя меня остановил:

— Садись, дед Антон, раздели нашу радость.

Девка вроде чуток успокоилась, ручки уже не трясутся, слезки высохли. Что они, слезки, в эки годы, так, водица, это я нынче, ежели всплакну да слеза на рубаху сорвется — успокаивай сам себя, бери иголку с ниткой. Ни один материал не дюжит. Ну это к слову. Отец речь сказал, выпили, девушка только ко рту поднесла. Отец поправил:

— Надо бы, дочка, первую-то выпить, так положено.

А она глазенки на него вскинула:

— Простите меня, только я никогда даже капельки в рот не брала. Простите.

А ведь это и любо. Шарахни она сейчас полную рюмку, крикни да закуси соленым огурцом, я бы вмиг жениха в сенки выдернул и шепнул: «Володька, положи, где взял. Если нагресил — извинись, если не ты первый, то и без того обойдется». Сидим, закусываем. Отец слово берет:

— Это хорошо, ребята, что вы к родителям пришли за согласием, за благословением, как раньше. Только ты, дочка, без обид, имя свое объясни, оно из старины или как?

Девушка губки платочком вытерла:

— Мы из староверов, жили в северном районе, в тайге. Отца моего в лесу сосной захлестнуло, собиралась община еще один дом поставить. А мама так страдала, что ушла на могилу тятину и померла. Меня добрые люди пригрели, а потом приехала милиция, они все золото искали двоеданское, и меня забрали как беспризорную, хоть я и в семье жила. Сказали, что такой закон. И отдали в детский дом. Там меня Веркой звали, а как паспорт стала оформлять, записала имя, данное при крещении. Только если вам не нравится, я перемену на любое. Но Володе шибко глянется.

Тут Мария не вытерпела:

— Дочка, а как же ты в институте училась, без поддержки-то?

Веста впервые улыбнулась:

— Что теперь вспомнить? Стипендия, девчонки помогали, если у меня денег нет, а они что-то готовят, конечно, за стол посадят. Одежду — да, привозили подружки своих младших сестер и обувь, и пальто, и платья. Гордыня — грех, потому брала с благодарностью. Я все за книжками сидела, училась хорошо, диплом с отличием получила. Оставляли на кафедре, в аспирантуру, а там зарплата чуть больше стипендии. Попросилась в деревню, приехала, а тут Володя.

Мать фартук от лица не отнимает, отец платком все глаза испоркал, я тоже берегусь, чтобы слезинка рубаху не прожгла. Какая судьба выпала

ла девочке, а ведь не сломалась, не изгадилась, как сейчас это началось, и судит, точно большой мужик. Думаю, повезло Володьке, дождался свою радость.

А Игнат после третьей рюмки вдруг решил:

— Раз задумано, нечего kota за... ну, короче говоря, тянуть с этим делом не будем. Решили пожениться — мы с матерью и сосед с нами — согласны. Значит, так: завтра Октябрьская, митинг будет, я председателем сельсовета с трибуны сдерну, десять минут, и вы муж и жена.

Никак не могу понять, как он быстро все сообразил:

— Брательник с утра кабанчика обгоит, сестра солонину достанет из погреба, столовские девчонки пособят в колхозной столовой — все, что надо, приготовить и на столы поставить. С утра заводить «жигули» — и в район, надо невесте самолучшее платье и жениху добрый костюм. Дочкам список гостей, чтобы всех обежали, и в три часа садимся за столы.

Дивную свадьбу ребятам сыграли. Друзья Володькины тоже молодцы, рванули в город, а что привезли — не рассказывают. А когда сельсовет зачитал про мужа и жену, приволокли берема красных роз и невесту по самое личико ими украсили. И слез было, и смеху.

* * *

Утро после того колхозного собрания выдалось необычное. Еще вчера метело, и ветер перегонял поздний снег от забора к забору, а нынче притих, словно присмотреться хочет. Звезды неба не покидают, хотя уж вроде светает. Фонари на столбах горят ярче прежнего, а машинный двор прямо твой аэродром — Владимиру приходилось летать в Москву на ВДНХ как передовику, видел и запомнил. Зашли в красный уголок, друг над дружкой подшучивают, а волнение есть. Тут же женщина из бухгалтерии. Заведующий машинным двором, пожилой механизатор Гавриил Евсеич, сказал:

— Мужики, раз уж договорились, давайте спокойно и без шума. Я так понял, что начнем с тех тракторов, кто на чем работал. У меня бухгалтерские выписки по паям на руках. С кого начнем?

— Обожди, Евсеич, а ежели мой трактор на ладан дышит? И мне его брать? — закричал Проня Волосатов.

Мужики зашумели:

— А кто его довел до ручки?

— Ты по осени масло сменил? Нет, так и газуешь, а из него, несчастного, дымище, как из паровоза.

— Договорились, Проня, и не дергайся.

Гавриил Евсеевич разложил бумаги, и стали к нему подсаживаться те, кто оказался во главе за ночь образовавшихся кооперативов. Все следили, подсказывали.

— Мужики, нельзя так. У Михаила новый трактор, у Мити почти новый, да им еще МТЗ из ремонта. Так на всех не хватит.

Евсеич кивнул:

— Верно. Надо, ребята, по возможности честно все поделить, вам ведь в одной деревне жить, одни пашни пахать. Чтoб без злобы.

Не обошлось. Аркаша Захаров захотел «Кировца», а работает на «Беларусе». А кто же отдаст добровольно? К тому же Евсеич поднял руку:

— Аркадий, у тебя на «Кировца» и денег не хватает. Ты окстись, ведь надо еще инвентарь брать, ты на тракторе не за ягодами ли собрался? А

чем пахать, сеять, где сцепки, диски, культиваторы? Вы что, на тракторы все спустили?

Владимир тоже сел, разложил свои и товарищей свидетельства на имущественные паи. Трактора свои записали, инвентарь по списку еще ночью составил и попросил из гаража пару машин, ЗИЛ и «газик». Евсеич проверил: есть по спискам такие машины. У заведующего машинным двором полный порядок. Отписали тебе технику — он вручает технический паспорт. Вышли из душевной конторки, шестеро мужиков, документы на четыре трактора, два комбайна, автомашины, прицепной инвентарь. Владимир предложил:

— Давайте перегоним технику на склад, там и охрана есть, да и склады потом делить придется. Там и база наша будет.

В конторке шум, похоже на драку, клубком мужики выкатились во двор. У Прони Волосатого все лицо разбито, дуром орет, что «Кировец» никому не отдаст. А бил его Ильюха Жабин, его это трактор, потому он прав. А Проня вырвался, метнулся к гаражам. Когда сообразили, «Кировец» ворота вынес с петель — и на выход, Ильюха наперерез, встал, руки раскинул. Так его Проня и сбил. Вылез из кабины, всего трясет, бухгалтерша в больницу и в милицию позвонила. Проню заковали в наручники, капитан стоял над трупом и раскачивался в своих чистеньких хромо-вых сапогах:

— Это, господа, начало капитализма, борьба за частную собственность, передел. Там, наверху, делят заводы и прииски, а вы — ржавое железо, которое на ваших огородах превратится в металлолом.

Гавриил Евсеич не удержался:

— Зачем вы так над народом, товарищ капитан? Люди жить хотят, выжить, вот собрались, чтобы все по-честному поделить. Но не всем понравилось. Илью как жертву перестойки зароем, а Проня пойдет тайгу пилить. Но техника будет работать, я знаю, не все сумеют, но многие преодолеют сами себя, поднимутся. Мы же такое уже проходили, после войны на коленках стояли, все одно поднялись. Видно, только в русском мужике и есть эта сила, чтоб над собой подняться. Не улыбайся, капитан, приезжай, когда майором станешь, поглядишь на наших соколов. А я их уж сейчас вижу с красными флажками на комбайнах.

Только к вечеру следующего дня управились, поставили все в ряд, кто-то краски притащил, решили на бортах название кооператива написать. А какое? Хоть и устали, а посмеялись, сели в кружок на бревнышки, стали перебирать — ни одно не нравится. И Владимир вспомнил, отец рассказывал, что после войны объединяли колхозы в деревне в один и назвали его Красная Поляна. Мужикам название понравилось, только Арыкпаев ворчал, что длинное, писать долго, он предлагал «Луч» — не приняли. Барабенов дверной замок у ЗИЛа перебирал, спросил:

— Ерик, а у тебя по русскому в школе сколько было?

— Три, — гордо ответил Арыкпаев.

Барабенов захохотал:

— Шеф, как бы не пришлось работу над ошибками делать.

— Грамотно пишу, не мешай, — огрызнулся Ерик.

Надцонов вытер руки, подошел:

— Ничего, мужики, потеплеет, попрошу Весту, она нам красивый трафарет вырежет, и мы всю технику покрасим одинаковой краской, сначала ржавчину сведем, а потом и название напишем.

Надцонов не любил март. Мутный месяц, для крестьянина непонятный: то метелью хлестанет дня на три, то спрячет ветра, растолкает облака, чтобы показать народу солнышко. А то вдруг морозец начнет прижимать, да не шутейно, хоть полушубок из кладовки доставай. Оттого и не любил Владимир Надцонов, другие крестьяне тоже без особых восторгов, но хоть как-то угадать, а что будет в апреле, март никакой возможности не давал. И тогда с первым солнечным апрельским просветом стаскивали на полевые обочины все свое хозяйство: диски и культиваторы, бороны и катки. Что вперед требуется, а что так и останется до конца посевной быгать на кромке поля — только время покажет.

Весна пришла степенная, крестьянская, днем снега гонит, ночью холод не пускает: пусть влага в землю уходит, для хлеба, для урожая. Мужики семена поделили, несколько раз на ворохах схватывались, но разошлись мирно.

Владимир съездил в район, оформил крестьянский кооператив «Красная Поляна», хотя в земельном комитете барышня не соглашалась на «красную», предлагала взять «ясную», мол, всем знакомо и никакой политики. Сходил к председателю комитета, тот подписал. А заодно и спросил, видно, наслышан, как разделили колхоз, знает ли он, что их Ежовкин назначен начальником управления сельского хозяйства. Надцонов вида не подал, но неприятный осадок в душе привез и с товарищами поделился.

— Володя, да хрен с ним, с Ежопкиным, будем робить и на него не оглядываться. — Сергей Барабенов возился с трактором и вроде не придавал особого значения тому, что говорит. — А я вам скажу. Вчера попросил своих хулиганов обойти усадьбу Ежопкина и глянуть, что у него за сараями под навесом, а заодно и на крышу сарая забраться, заглянуть, что во дворе. Результат: в ограде КамАЗ-самосвал и «Беларусь», а на задах под навесом и соломой — гусеничный «Алтаец» и «Дон» зерновой.

Мужики оставили свои дела и подошли к Сергею.

— Откуда информация? Вроде ничего не было слышно.

— Проня Волосатов ему всю технику из района ночами перегонял, сам брякнул под стакан, что теперь он первый человек в колхозе, на особом доверии у председателя.

Владимир усмехнулся:

— А мы удивлялись, почему Проня за явное убийство получил поселение. Да, ребята, все меняется на ходу — и не в лучшую сторону. А что будем делать с техникой? Он же ее в любое время перегонит.

Попросил Весту проверить по бумагам, есть ли такая техника в колхозе и откуда она взялась. Она нашла платежные документы, но все четыре единицы переданы по акту птицефабрике в погашение долгов.

Надцонова колотило от злости, что председатель, вместо того чтобы выдать колхозникам хоть что-то, последние копейки пустил на технику. Все продумано, у фабрики много земли, техника нужна, сдаст в аренду и будет жить королем. Тем более теперь, при такой должности. А где правду искать? У главы района? У прокурора? В суде, который оправдал убийцу?

Сергей Барабенов решил проблему просто:

— Ночью пробраться и в топливные баки сахара насыпать. Движок сразу накроется.

Аверин подержал:

— Хоть как-то навредить.

Надцонов махнул рукой:

— Противно мелко пакостить. Да ничего это и не изменит, движки отремонтируют — и вперед.

Был у него план. Платежные документы из бухгалтерии Веста скопировала и подменила: копии — в папки, а подлинники — мужу. В доме Ежовкина — жена и ребенок, пугать никак нельзя. Хороший человек общил по телефону, что купили Ежовкину особняк главврача, того в другой район перевели. Узнать бы, вдруг супруга на смотрины поедет. Братишку своего от школы освободил, велел глаз не спускать с ежовкинско-го дома. И вот прибежал парень, дыханье перехватывает:

— Братка, легковушка подошла, женщина с девочкой сели и уехали.

— Номер машины я тебе велел...

Мальчик подал бумажку. Нашел бывшего водителя председательско-го, он районные номера знает, подал бумажку:

— Да, машина начальника управления. Ежопкин, скотина, обещал к себе взять — обманул.

Прибежал к складу, собрал своих.

— Распутицы он ждать не будет, гусеничный ладно, а комбайн по огоро-ду не пойдет. Времени у нас нет, жена посмотрит особняк и вернется.

— И что? — чуть не хором спросили мужики.

Надцонов напрягся, аж шапку в руках сжал:

— Разом заводим всю технику и выгоняем на площадь, под самого Ленина.

— Володя, это же топливо надо, воду...

— Топливо в баках должно быть, не на последних каплях они из рай-она пришли. А воду каждый по канистре приволокем.

Аверин охватил голову руками:

— Мужики, пересадят нас, точно говорю. Угнать со двора — все рав-но что украсть.

— Но ворованное украсть — большая разница. К тому же мы не к себе в ограду, а на общий вид. Пусть завтра народ полюбуется, — Владимир и сам не очень верил, что говорил, но нет иного способа накрыть проходим-ца. — Подожди, парни, это не кража, это изъятие вещественных доказа-тельств. Вызовем нового прокурора, документы предъявим.

— Вова, только настоящие бумажки им не отдавай, захарлят, копии сделай.

— Уже наделал, — успокоил Надцонов.

Арыкпаев засмеялся:

— Володьша, будешь адвокатом в суде, такие слова знаешь!

Решили сегодня ночью, после полуночи. Андрей Аверин, десантник, через забор перемахнул, открыл калитку. Залили воду, подождали, ког-да за сараями загудело. Распахнули ворота, ЗИЛ и «Беларусь» выскочи-ли быстро. Надцонов запер ворота и вернулся через забор. Гусеничный трактор и комбайн шуму наделали, но деревня спала. Выехали на пло-щадь, Надцонов выскочил из кабины и отмашкой выстроил технику в ряд. Заглушили моторы, быстро слили воду. Владимир вынул из-за пазу-хи кусок ткани, растянул вокруг кабины «Дона». Даже в темноте хоро-шо читалось: «Это украл Ежовкин». Веста по его просьбе написала бели-лами.

— Ну что, жулики, по домам? — спросил неунывающий Арыкпаев.

— Расходимся. Утром к восьми надо быть здесь. Я прокурору позвоню.

Что там в восемь — в семь все были на месте, редкие любопытные проходили мимо и вопросов не задавали. Надцонов сбегал в контору, позвонил, прокурор его выслушал и сказал, что немедленно выезжает.

Он подъехал через час, представился, обошел площадку с техникой, попросил лозунг снять. Через полчаса подъехала целая колонна легковых машин, выходили из них солидные люди в красивой одежде и с красивыми портфелями в руках.

— Ну, робя, на них нас и увезут, — хмыкнул Барабенков.

— Ага, губу раскатил, под нас «воронок» подгонят.

Надцонов глянул на своих:

— Только спокойно, я отвечаю.

Ежовкин сразу кинулся на Владимира, Аверин вышел вперед — высокий, крепкий и наглый.

— Тебе кто дал право, нищеврод хренов, по чужим дворам лазить? На каком основании? Да я тебя в тюрьме сгною!

— Кто старший, с кем говорить? — спросил прокурор.

— Я. Надцонов Владимир Игнатьевич.

— Принято. Что за техника, как она здесь появилась?

— Да они... — пытался крикнуть Ежовкин, но прокурор остановил его.

— Я вас пока не спрашиваю. Продолжайте.

Надцонов спокойно (сам удивился) все рассказал, показал копии платежных документов и договоров передачи техники в аренду.

Прокурор внимательно изучил бумажки и поднял голову:

— Надцонова и Ежовкина прошу пройти в администрацию, милиции обеспечить сохранность техники.

— Я заместитель главы района, здесь директор птицефабрики. Товарищ прокурор, надо бы поговорить.

Владимир только сейчас заметил, что прокурор совсем молодой, форма на нем с иголочки, чувствует себя хозяином положения.

— Господа, у меня к вам пока вопросов нет, если что появится, вас пригласят повесткой. А пока свободны.

— Черт знает что творится! — возмущился директор птицефабрики. — Втянул меня Денис Кириллович в историю, тюрьмой попахивает.

Заместитель главы похлопал его по плечу:

— Не журишь, завтра вернется глава района, он этот вопрос разрулит.

Ежовкин подергал ручку дверей ЗИЛа — закрыто на замок.

— Что, Денис Кириллович, не свое — оно и есть не свое. Шепни «сим-сим, откройся», — засмеялся заместитель главы.

А в кабинете администрации Надцонов еще раз рассказал все по порядку, прокурор слушал молча, не перебивал. Владимир не выдержал:

— Гражданин прокурор, мы жулика разоблачили, хоть он и большой начальник. Он и в колхозе у нас крал, что плохо лежит. Так неужели нас теперь под суд, а он смеяться будет?

Прокурор прошелся по комнате, встал напротив Надцонова:

— Во-первых, я для вас не гражданин, а товарищ прокурор. Во-вторых, дело это будет крупным, уж я позабочусь. Уже сейчас могу вас заверить, что никого из вашего коллектива я обвинять не собираюсь. Вас вызовут, когда потребуется, а пока работайте спокойно. Да, технику с площади надо убрать и обеспечить сохранность. Вы свободны. Скажите Ежовкину, пусть войдет.

Через полчаса прокурор вышел, ни с кем не разговаривал, сел в свою машину и уехал. Компания переглянулась — и тоже по машинам.

Прокурор не просто прошел мимо местного начальства, он продемонстрировал полную от него изоляцию и независимость. Молодой человек уже выстраивал известные ему события в громкое уголовное дело по борьбе с хищениями должностными лицами материальных ценностей в крупных размерах, а тут — и злоупотребления служебным положением, стговор с целью получения выгоды, коррупция в чистом виде. Он хотел сделать карьеру, и он сделает ее, этим громким делом покажет всем, что прокурор строго следует закону, не обращая внимания на чины и звания. Он сделает все, чтобы добиться для Ежовкина обвинительного приговора и реального, не условного, срока заключения. Вот тогда имя прокурора прогремит на всю область, и, безусловно, дело будет зачислено в его положительный актив.

* * *

Первая посевная новым коллективом запомнится Надцонову на всю жизнь. Прежде всего схватились за пайщиков, ведь своих паев земли явно мало. Пошли по родне, по соседям, сразу встал вопрос о цене. Старый колхозный бригадир Ерохин сказал, что он свой и старухин пай дешевле чем за пять центнеров чистого зерна не отдаст.

— Дед Киприян, ну как я могу тебе на берегу, еще и подошвы не замочив, сказать, что добуду? Ты же старый крестьянин, а если совсем не уродит, тогда как?

— Тогда, мил человек, продавай машину — и мне расчет деньгами... по цене рынка. (Едва вспомнил!) А нет, так я кому хоть отдам.

Быстро обежал новоявленных председателей:

— Мы какие-то бестолковые. Никто еще пай не собирал? И что? Во как! Мужики-то вперед нас столковались, что в договор писать три центнера чистой пшеницы и по два ячменя или овса.

Иван Черных, толковый мужик, втоптал окурок в землю:

— Условие такое, только на первый год: пшеницы два, серых — один. Время есть, подергаются и согласятся. Только, чур, клиентов не перевербовывать, ценой не играть, это при капитализме... черт, вчера учил, забыл. А, штрейкбрехерство! Ясно?

Все засмеялись.

Долго решали, кому какая земля отходит. Выложили списки пайщиков и общую площадь — об этом не говорили, но понимали, что нынешнее решение навсегда. Каждый знал все поля и их возможности, потому на карту были поставлены пять самых больших и урожайных пашен. Написали бумажки, свернули трубочками, кому что... Сразу обиды: «Ну я так и знал...» Чего ты мог знать, когда все в открытую? С остальными землями проще. Приняли, что другие участки надо привязывать к основному полю, смотрели по карте, сверяли с набранными паями.

— Не согласен. Вот у меня выписана урожайность по каждому полю за три года. Вы мне подсовываете Рямиху, а Надцонову отходят Зайчиха и Клин, урожайность в полтора. Разве честно?

Надцонов посмотрел на карту, кивнул:

— Верно, бери Клин, он к тебе ближе, а я Рямиху забираю.

Все ждали выхода в поле. Природа всегда испытывает крестьянина на терпение. Солнышко пригрело, согнало снежок — на пашню только в болотных сапогах, но идет мужик, ковыряет оттолкнувшую землю. Лежит сорняк — а вида не подает, значит, ждать долго. Тогда еще раз посмотреть сцепы борон, покачать гусеницы на тракторе — не прослабли? А потом в склад, весь день все ворота и окна открыты, сколько позволяет площадь, распахивают семена широкими лопатами, чтобы согрелись. Надцонов улыбнулся: в детстве гоняли ребятишек из школы, чтобы зерно разгрести, и называли это ученым словом «яровизация».

Через пару дней выволокли сцепы с боронами на кромки полей, тут уж вовсе у пашни обедать придется. И наступает день, когда с утра прошел по полю с полкилометра, да местами сыровато, но шевелить корку надо, чтобы сорняк спровоцировать. Загудел трактор, ворвался в податливый грунт зяби, и пошла работа. Надцонов не сразу поймал прыгающее сердце: свою пашню работаю, свой хлеб буду растить. Нет, не клял колхозную бытность, при ней вовсе беззаботно жил, все за него добрые люди решали, надо было только за рычагами следить. А тут — сам. И гордо, и страшно, ведь до самой малой капельки знал он всю эту беспокойную стосуточную жизнь — от первого весеннего боронования до потока зерна из бункера комбайна в кузов самосвала, — и теперь ему одному придется пройти весь этот путь.

К вечеру притащили вагончик, позаимствовали у плотников, уже по темноте заглушили трактора, вскипятили чай. Молчали. То ли устали настолько с непривычки, то ли не осознали еще, как Надцонов, своего нового положения. Барабенов не утерпел:

— Кормильцы России, поделитесь, что наработали? А то я вроде как не при делах.

Надцонов засмеялся:

— Завтра садись за рычаги, дня на три хватит, а я другим делом займусь. Ты с заправщиком договорился?

— Нормально. Обещал, стоянку я назвал.

— Шеф, а ночью будем робить?

Владимир улыбнулся, но вида не подал: Аверин холостяк, погулять охота.

— Будем, Андрюша, вот на культивацию выйдем. Только, чур! Твоя ночная смена.

Аверина проводили смехом.

Агрегаты оставили в поле, на «уазике» Владимира разъехались по домам.

* * *

Должен я рассказать, как Володька Надцонов на Красную Поляну вышел, по-серьезному, по-крестьянски. А то нарисовал на тракторе «Красная Поляна» и думал, что это хорошо. В общем, как-то пришла ко мне учительница: «Дорогой Антон Николаевич! Приглашаем вас в школу, с ребятами поговорить».

Я сильно удивился, потому что никогда раньше не звали, ораторы были штатные, правильные, лишнего не сболтнут. Часть из них уже в мире ином, как говорится, другие, видно, занемогли, и оказался я перед большим залом, полным ребятишек. Прежде у учителей спросил, про что рассказать, а они рукой махнули: про свою большую жизнь. Ну, думаю, оставлю сегодня орду без обеда.

Начал с того, что родился я как раз в разгар кулацкого восстания, вот памятник стоит жертвам. Правда, теперь говорят, что это крестьянское восстание против власти, может, так оно и есть. А потом началась коллективизация, все крестьяне весь скот и весь инвентарь, какой был, передавали колхозу, это я уже чуток помню. А он, сорванец, руку тянет:

— А сейчас наоборот, все колхозное разбирают по дворам. Значит, колхозы плохо работали?

Гляжу на учителей, они подбадривают.

— Колхозники, если не ленились, работали хорошо, вон у вас в коридоре доска с портретами, доярки и механизаторы, другие тоже — все при орденах. И зарплата была хорошая. Вот скажите, может ваш отец за уборку заработать на мотоцикл «Урал»? Нет, конечно, потому что и мотоцикл стал стоить дороже легковушки, и зарплату чуток прижали. А я, было время, заработил, когда уже техника пошла сильная, мне первому дали «Кировца», я на нем за осень вспахал тысячу гектаров зыби.

— А это сколько?

Тут учительница приходит на помощь:

— Ребята, тысяча гектаров — это поле размером в десять на десять километров.

Ребятишки захопали в ладоши. Рассказал им про войну, сказал, что смотреть фильмы современные по телевизору не надо, там все врут. Война — грязная и кровавая штука, еще голодуха зачастую. Но — куда деваться, шли в бой и побеждали. Хоронили убитых. Каждый знал, что завтра тебя могут похоронить. Ничего, доползли до Берлина.

— А Гитлера вы видели?

Я помолчал, потом сказал:

— Видел, дети мои, я эту сволочь каждую минуту видел, и когда в прицел смотрел, и когда гранату кидал — я его видел, в него целился.

Рассказал, какая деревня была в войну и после, как тяжело было женщинам и ребятишкам. Плуги на себе таскали, не то что бороны. Потом полегче стало, а в пятьдесят каком-то году нашу деревню свели в один колхоз и назвали его Красная Поляна.

Девчонки заахали: «Как красиво!», а учительница спрашивает:

— Антон Николаевич, откуда возникло такое красивое название?

— Расскажу. Если пройти между двумя холмами, ну, вы понимаете, — какой-то сорванец захихикал, — то через километр примерно будет вам большая палестина чистойшей земли. Вокруг бурьян растет, его и не косит никто, только козы да лоси питаются. А раньше вся поляна была покрыта красным цветом, я не знаю, что были за цветы, только сразу с прихода она была как красное море цветов. Девчонки на свадьбы срезали, да и так просто ставили в банках на подоконники.

— А дальше?

Я помолчал. Как сказать о людях, у которых понятия нет святого и чистого?

— Началась целина, и председатель, не наш был, присланный, велел поляну перепахать. Что только не сеяли — ничто путем не растет. И цветов не стало, осталось одно название.

Загрустили мои слушатели, притихли. Я тоже взгрустнул, а потом осмелел:

— Вот теперь начались большие перемены, из одного колхоза сделалось пять или шесть. Никто не скажет, хорошо это ли плохо, только думается мне, что другие, лучшие, красивые времена настанут, когда за-

цветет Красная Поляна — тем же цветом или иным, но чтобы светло от нее было и радостно.

Поблагодарили меня, наградили большой коробкой конфет, которые мы тут же с девчонками разыграли.

Пришел домой, прилег, а Красная Поляна с ума не сходит. Был я там прошедшим летом, большая площадь, поди, гектаров пятьдесят будет. И почему ничто не растет, кроме тех цветов? Надо будет Владимиру подсказать, он мужик толковый, в сельхозинститут поступил — говорит, надо для дела. Довел его до белого каления, тот махнул рукой:

— Ладно, дед, садись в «уазик», копнем грунта на Красной Поляне.

Земля еще толком не отошла, но три куска мы добыли, закинули в пакет. Владимир пообещал, что свезет в лабораторию, определят, что за почва. А уже через неделю подъехал, сигналит:

— Дело, Антон Николаевич, непростое, почвенники анализ сделали и ума не могут дать, что произошло на этой поляне. Я им наковырял в трех местах в стороне, говорят, нормальная земля, способна для воспроизводства. А та — нет: непонятно как, но уничтожены в ней многие вещества, которые необходимы для роста культурных растений. Понял?

Конечно, я ничего не понял, но на всякий случай кивнул. И спросил осторожно, а можно ли то, чего не хватает, добавить?

— Конечно, дед, вот и список, чего и сколько надо. Я уж прикинул: приличные деньги.

На том и расстались.

Вечерами Владимир объезжал поля, на каждом останавливался, заходил с края, отмечал в тетрадке, много ли сорняка, не изрежен ли посев, срывал колосок, жал в руке, считал, сколько зернышек завязалось. А в конце августа уже входил в поле, не боясь помять высокую пшеницу — поднимется, — проводил раскрытой ладонью по верхушкам колосьев, ощущая их энергию и будущую силу. Владимир понимал, что это теперь его жизнь, его любовь, столько трудов вложено — не бросишь. Какое там! На днях парни всерьез заговорили о животноводстве, правильно сделали, что заварили железом ворота и окна фермы, надо до уборки провести там ревизию оборудования. Если все нормально — брать кредит и закупать нетелей в Кургане. Все лето сено готовили, часть продали, остальное надо тормознуть. Судя по видам на урожай, можно будет выдать пайщикам по три центнера пшеницы, хотя они и так не бедствуют, в кооперативе, который с первого дня стали звать колхозом, выписывают все, что надо для хозяйства.

Слег отец Игнат Никанорович, велел устроить ему лежанку в маленькой горенке, мама от него не отходит. Все сказалось. В войну хлеба и не видели, не то что не ели, только картошка. Спасибо корове Красуле, осенью растелится, всю зиму хоть кружечку, но каждому мать молочка плеснет. А в морозы заводили Красулю в избу, чтоб не замерзла.

Сестры еще школьницы, брат учится на механика сельхозмашин. А сестрам Владимир строго сказал: «На первый случай, девчонки, техникум, одна ветеринар, другая зоотехник. Сами определитесь. Большое хозяйство будем разводить, специалисты нужны. Да, насчет замуж... Только сюда, дома уже строим, так что к городу шибко не привыкайте, а парней присматривайте деревенских». Позже понял, почему улыгнулись близняшки: женихи-то, похоже, уже есть, с учебой сложнее...

Но и Владимир заразился Красной Поляной: если его кооператив имя себе такое взял, то надо и поляну ту к жизни вернуть. После посевной поехал в область к ученым людям, тем более, что узнал о специальном институте, который занимается недрами. Попасть к ученым оказалось довольно просто, сначала его пригласили в кабинет, расспросили, что конкретно интересует молодого человека. Узнав, что пред ними дилетант и вопрос его носит чисто познавательный характер, Володю отвели на третий этаж в большую комнату, уставленную книгами. «Библиотека», — подумал он и не ошибся. К нему вышла довольно пожилая дама, одетая в синий халат, усадила за стол, напоила чаем, а потом спросила, что его волнует. Володя рассказал о красивых цветах, поднятии целины, абсолютном бесплодии тамошней почвы, показал заключение почвоведов. Дама принесла карту и попросила указать это место. Надцонов явно растерялся: «Надо было на уроках географии не Нинку за косу дергать», — вскользь подумал он, но ученая дама уже нашла и деревню, и Женские Груды, и поляну по ту сторону.

— Будьте любезны, посидите некоторое время, мне нужно отыскать один интересный материал.

Она ушла и отсутствовала так долго, что Надцонов успел уснуть и, видно, с храпом, потому что дама, будто случайно сдвинув стул, сказала:

— Да, не перевелись еще богатыри на Руси!

Потом положила на стол машинописную книжку, долго искала нужное место; наконец предупредительно подняла палец:

— Слушайте, коллега.

«В XVII веке Сибирь буквально поливали метеориты, карты местности от Оби до самого Урала испещрены следами их падений. Одновременно на картах видны ленточные следы взрытой земли, которые не все ученые склонны относить к движению ледниковых пород, а многие считают их чуть ли не рукотворными. Но очевидных подтверждений этих предположений нет.

Среди уникальных последствий падения метеоритов отмечают взрыв в районе между реками Иртыш и Ишим, маленьким притоком Тобола. Специалисты считают, что метеорит падал под острым углом к земле, на высоте нескольких километров взорвался и двумя мощными потоками осколков встретился с землей. Сила столкновения была столь велика, что энергией удара выбросило большое количество грунта, который впоследствии превратился в два рядом стоящих высоких холма, поросших лесом. Лес поселенцы с западной стороны свели, а на восточной место выброса грунта постепенно выровнялось и сегодня имеет вид чуть углубленной поляны. Странно, что вся поляна от ста метров и далее окружена лесом, на самой же поляне растут красивые цветы, которые пользуются большой любовью молодежи».

— Узнаете? — спросила она и улыбнулась. — Это исследование одного очень талантливого человека, но оно не было опубликовано, автор — великий ученый Драверт. Да... А вы так и не выяснили, какие именно цветы росли на сей поляне? Очень жаль, возможно, они прижились бы вновь. Но это не к нам, это в институт сельского хозяйства.

— Так я там и учусь, заочно, правда, в молодости ума не хватало, а теперь без знаний никуда.

— Простите мое неуместное любопытство, но где вы работаете?

— Крестьяне мы, землю пашем, хлеб растим.

Дама всплеснула руками:

— Господи, если крестьяне стали интересоваться тайнами науки, она никогда не погибнет. Вот вам копия той странички, и всех вам благ.

На кафедре растениеводства Володю чуть не высмеяли: какие красные цветы? Их тысячи разновидностей. И требовали образец. А какой образец, если все перепахали полвека назад? Домой приехал туча тучей, Весте все рассказал, ребятишкам тоже, а что за цветок был — нигде теперь не узнать.

— Родно мое, — улыбнулась Веста. — Обратись к школьникам, у их бабушек обязательно могли быть эти цветы в книжках или альбомах. Ты же говорил, что молодежь когда-то любила эту поляну. Иди в школу.

Директор отнесся к этой идее с пониманием, на большой перемене объявили всеобщее построение, докладывал Владимир Игнатьевич. Всю историю рассказал, и про метеорит, и про ученого, и про взрыв прочитал распечатку из книги.

— Ребята, у ваших бабушек могут сохраниться книги или альбомы, тогда модно было стихи и песни записывать, а между страничками выкладывать цветы. Я помню, у мамы такой был, но мы уже ничего не нашли.

На другой день сразу две девушки и мальчик принесли Надцонову заложенные в книги засохшие, хрупкие, но сохранившие цвет растения. Владимир аккуратно переложил их в толстую тетрадь и через три дня был в институте.

— Вот это другое дело, — поправляя очки, заявил профессор Власов. — Теперь никакого труда определить, что это за вид. Друзья мои! — Он позвал нескольких студентов. — Кто определит вид этого цветка, ставлю зачет автоматом.

Ребята и девушки склонились над растениями, уже уложенными в плотные бесцветные пакеты.

— Профессор, это жарки. Нет?

— Увы!

Разглядывают, перешептываются:

— Я думаю, что это купальницы, только это очень старый гербарий, сегодня купальница чуть другая, так мне кажется.

Профессор засмеялся:

— Проще мыслить надо, друзья мои, ближе к земле.

— Мне кажется, это мак-самосейка, — смущенно предположила студентка.

Профессор захлопал в ладоши:

— Вам правильно кажется, но Сибирь — не его ареал произрастания. Вы говорите, молодой человек, что это поляна? Она открыта всем ветрам или в низине и защищена лесами?

Володя кивнул:

— Точно, она как чаша.

— Вот! — Профессор значительно поднял руку. — Благодаря этому над поляной образуется как бы особая климатическая зона с повышенной влажностью и мягкими температурами. В незапамятные времена ветра, птицы или черт знает кто могли занести сюда семена мака. А коли условия приличные, они взошли и дали потомство. Итак, вы довольны, молодой человек?

Надцонов, конечно, был очень доволен, но...

— Профессор, где можно купить семена этого растения?

Тот пожал плечами:

— Едва ли где оптом, ибо дикорастущий вид, семена вряд ли кто собирает. Но вы можете поехать в места массового произрастания, кажется, это Северный Кавказ, набрать головок сколько угодно.

— Подождите, так это мак с головками? У нас его в каждом огороде полно. Мы его в детстве горстями ели.

Профессор засмеялся:

— Вы кушали, извините, горстями культурный мак, кстати, он запрещен и объявлен наркотиком, так что аккуратней. А тот имеет очень маленькую семенную коробочку. Уверен, собираете, сколько надо. Очень даже может быть! Желаю удачи!

Студентка смущенно подняла руку:

— Профессор, но должны быть в южных городах организации, которые занимаются украшением города цветами? И у них должны быть все семена.

Профессор согласился:

— Да, интересная мысль. Попробуйте списаться с ними. Время еще есть.

— Спасибо вам!

Надцонов поблагодарил студентов, пожал руку профессору и вышел, полный надежд.

* * *

Нынче Надцонов обновит американский почвообрабатывающий посевной комплекс с «Джон Диром», ждет, что приедут ребята из техноцентра, настроят, первый день проследят за работой.

— И сколько ты в него влупил? — спросил вечно недовольный Аркаша Захаров, тоже фермер, но, похоже, бизнес его выходит на финишную прямую. Пить вино и растить хлеб одновременно еще никому не удалось. Аркаша ныне продает остатки техники. Надцонов железо брать отказался, а часть пайщиков неудачника принял.

Трактор сгрузили с платформы, завели и загнали в ангар, Владимир освободил место, чуть сдвинул семенные вороха. Спроси бы кто другой, поближе и доброжелательней, не Аркаша, — рассказал бы на радостях, сколько в банках бумаг писал и печатей ставил, сколько раз заманивал его начальник лизинговой кампании, такие картины рисовал, что комплекс чуть ли не в подарок мужик получает. И только случайная встреча с заместителем директора департамента по селу спасла Владимира от пролета. А встретились в экономическом отделе департамента.

— Подожди, вроде в вашем районе еще нет комплексов? — вспомнил начальник.

— Нету, — согласился Надцонов, — омскими сеялками спасаемся.

— И как получается?

— Нормально, три года уже — вот, в люди выходим. Конечно, хотелось бы свое, русское.

Инженер кивнул:

— Очень бы хотелось, перед крестьянами стыдно, сбываем иностранный товар, как сутенеры — проституток. Проекты есть, опытные образцы есть, но кому-то выгоднее купить в Канаде или Штатах. Скрипим зубами... Но, брат, ты веры не теряй, ты еще успеешь поработать на рус-

ской технике. Успешь. Дай-ка твоей бумаге. — Он долго перебирал обьемистую папку, выложил наверх несколько документов. — После обеда, в два часа, приезжай, вместе зайдем к директору, я его подготовлю. Выведем тебя напрямую на поставщика, без посредников, это пару миллионов тебе спасет.

Надцонов помялся, взял папку, в глаза заглядывает:

— Прощения прошу, не в курсе этих дел. За эту льготу платить надо?

— Кому? — спросил начальник и улыбнулся: — Тебя в лизинговой напугали, что в департаменте надо взятку давать? Твою мать, доберусь. Мы эту линию используем для поддержки начинающих, своего рода реклама. Ладно. Жду.

Не стал ничего объяснять Захарову, закрыл ангар, бункер, шланги и электромоторчики пологом обтянул, а вечером привез Ваню Хроменького, мужик трезвый и без работы. Велел подтапливать избушку и смотреть, чтобы к комплексу никто не подлез.

Только бы погода не подвела. Крестьянину испокон веку надо, чтобы в последней декаде апреля было тепло, чтобы зябь трактор с боронками приняла, чтобы сорняк, особенно овсюг, на радостях выщелкнулся — вот тут его под нож культиватора или дисков. Тогда можно пашенку готовить под посев. Опять желательно, чтобы в майские праздники обильно помочило, но потом тепло и чтоб безветрие. Ветер в такую пору — страшный враг, тоннами воду высасывает. И тогда с десятого по двадцатое мая ни бани, ни бабы, перекусить на ходу парой котлет, запить холодным квасом — супы и пельмени, баня жаркая и подзабытые женины ласки потом будут.

Пришла долгожданная посылка из Сочи с семенами мака. Надцонов вскрыл ящик, сверху — письмо:

«Дорогие сибиряки, мы очень рады, что в вашем суровом крае вновь зацветут маки. Мы специально взяли более жесткие сорта, потому что хоть и особые условия, как вы пишете, в Красной Поляне, но все равно это не юга. Потому советуем высеять их при температуре почвы не ниже 10 градусов, высеять грядами вручную, просто развеивая семена не очень плотно. И сразу непременно прикатать и полить. Грядками потому, чтобы можно было при нужде полить, подкормить или подлечить. И постоянно наблюдайте, особенно в первый год. Коробочки с семенами начнут созревать уже после увядания самого растения, хотя могут и раньше. Так что не переживайте, время от времени вскрывайте одну коробочку, сразу видно, созревают семена или нет. Никаких денег оплачивать не надо, приказом директора эта посылка оформлена как подарок сибирякам. Желаем удачи и пишете постоянно.»

Сотрудники Сочинского института декоративных культур».

Это Веста посоветовала Володе написать в институт, понятно, что и там перемены, но не настолько, чтобы совсем про цветы забыли. Весь вечер сочиняли письмо, получилось на трех страницах, убедительное. И вот результат.

Утром Владимир съездил на Красную Поляну, прошел вдоль и поперек. Вернулся, ребята комплекс собирают, инженер из техноцентра подсказывает. Тоже включился в работу, к обеду закончили. Молодого Алешку и настырного Арыкпаева отправляли на учебу, «Джон Дир» — не «Беларусь», в кабине — как в самолете. Ничего, проучились и экзамены сдали. Надцонов не удержался:

— Парни, есть возможность проверить агрегат, Красную Поляну надо под посев подготовить.

— Поделись, что ты там сеять собрался, — спросил въедливый Арыкпаев.

И тогда Надцонов поведал друзьям все свои хлопоты по изучению истории и возможности восстановления цветов на поляне. Даже молчаливый Барабенев не удержался:

— Молодец. Это тебе не овсюг дисковать.

На поляну поехали все вместе, Алеша за рулем, остальные в «уазике». Хотел Весту с собой взять, ведь это и ее труды и заботы, да на последних днях она, рожать скоро. Поднялись узкой дорожкой между холмами, спустились через лес, запущенный за последние годы, когда лесников вдруг сократили. Даже пожар в прошлом году начинался, большой колок выгорел, но отстояли. С декаду потом, до первого дождя поочередно дежурили, а мальчишкам строго-настрого запрещено было в тот лес ходить.

Когда вышли на поляну, Надцонову даже показалось, что она обрадовалась, она его встретила, раскрыв широкие объятия своих окраин. Он тоже ей улыбнулся и, чтобы кто из мужиков не заметил, прошел на середину и тихо прошептал:

— Ты уж прости нас, родная земля, что мы тебя бросили. Все о брюхе своем печемся, как говорит Антон Николаевич, а о красоте забываем. Вот от имени своих мужиков обещаю тебе, родная наша Красная Поляна, вернем мы тебе и красоту твою, и имя твое.

Пожалел потом, что не взял с собой старика; обернулся — а он с холма спускается, ноги заплетаются. Завел «уазик» и навстречу.

— Я ведь сразу смикитил, куда ты направился, да не успел прицепиться, одышка, чтоб она пропала. — Дед посерел лицом, взмок.

— Антон Николаевич, ты что, сердце клинит?

— От радости, ребята, на крыльях летел, успел, уж вижу Красную Поляну всю в цветах, вот она, красавица, как в старые годы бывало. Я ведь, ребята, перед венчанием за цветами сюда ходил со своей Феклушей...

Он замолчал, прилег на правый бочок и затих. Мужики оторопели. Владимир прислушался к сердцу, да так и уткнулся в костлявую грудь старика. Антон Николаевич умер. Когда пришли в себя, тело загрузили в машину, Володя рванул к медпункту, сам не зная зачем. Фельдшер выскочила, глянула на старика и кивнула:

— Вези домой, Володя, хоронить будем деда Антона.

Все поехали в столярку, молча пилили и строгаали сухие доски. Владимир уже не стыдился слез, мужики знали, как дружны они были с покойным.

В открытые двери столярки вбежали девчонки, Нюрка с Шуркой, сестренки Володины:

— Братец, Веста мальчика родила. Только что. Три восемьсот!

У Надцонова фуганок из рук выпал. Встал, обнял своих друзей:

— Простите, ребята, высокими словами хочу сказать, из души рвуться. И вас призываю в соратники. Поклянемся же, чтобы жила наша земля! Пусть размножится род наш крестьянский, как размножатся нынешним летом цветы на Красной Поляне! А имя деда Антона будет жить в сыне моем. И земля наша не переведется во веки веков! И цветами мы ее украсим. Клянусь!

И заплакал навзрыд.